

The background of the book cover is a collage of various objects on a light-colored wooden surface. In the top left, there are yellow pencils, some sharpened and some broken. To the right, there are bright yellow flowers with green stems and leaves. In the bottom left, there is a tangled mess of black film strips. In the bottom right, there is a clear plastic cassette tape with a yellow label that has the word 'Melanie' written in cursive. Two small, hand-drawn insects are also visible: one near the top right and another near the bottom right, both appearing to be made from or near pencil shavings.

ЛУЧШЕ,
ЧЕМ
ЖИЗНЬ

Анна Гавальда Ян

Лучше, чем жизнь

Анна Гавальда

Ян

«АСТ»

2014

УДК 821.133.1-31
ББК 84(4Фра)-44

Гавальда А.

Ян / А. Гавальда — «АСТ», 2014 — (Лучше, чем жизнь)

ISBN 978-5-17-108631-2

Яну 26 лет. По образованию он дизайнер, но работы по специальности найти не смог. В ожидании лучших времен трудится менеджером в магазине бытовой техники, продает роботы-пылесосы Вуф-Хуфы и прочие гаджеты. Живет с подружкой, несчастным себя не считает, но отчего-то порой ему хочется утопиться в Сене. Однажды вечером он помогает соседям дотащить до квартиры буфет. В благодарность его приглашают на ужин. На следующее утро Ян принимает решение послать все к чертям и начать новую жизнь.

УДК 821.133.1-31

ББК 84(4Фра)-44

ISBN 978-5-17-108631-2

© Гавальда А., 2014

© АСТ, 2014

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

18

Анна Гавальда

Ян

Роман

Anna Gavalda «Yann»

Печатается с разрешения издательства *Éditions Le Dilettante* и литературного агентства *Anastasia Lester*

© Éditions Le Dilettante, Paris, 2014

© Позднева Т., перевод, 2014

© ООО «Издательство АСТ», издание на русском языке, 2014

Посвящается Марианне

Во-первых, яичко

На этой неделе моя очередь закрывать магазин. Я оформляю последние заказы, выключаю компьютеры и проверяю, все ли ящики и витрины заперты на ключ.

Честно говоря, именно это бесит меня больше всего – чувствую себя провинциальным торговцем дешевыми побрякушками, безропотно затаскивающим по вечерам в лавку свои штампованные браслетики и цепочки, но у Эрика, моего коллеги из пятого округа, в прошлом месяце вытащили оборудования на три тыщи, и, насколько мне известно, ему еще долго придется разбираться с этой историей.

О нет, его не обвинили в воровстве напрямую, нет, просто дали понять.

– Знаешь, порой я думаю, что это лучшее, что могло бы со мной случиться. Быть вынужденным сдать им свой бейдж и разом успокоить подружку со всеми ее мечтами о кредите. Больше не ездить на скоростном метро... Не начинать свой день с этого унижения... Едва проснувшись и уже в загоне, собранные вместе, стиснутые со всех сторон... Рабочая сила пригородов, безропотное и изможденное стадо таких же, как ты, одновременно с тобой читающее ту же чушь, что и ты, в одних и тех же бесплатных газетенках... Клянусь тебе, это угнетает меня больше всего... – вздохнув, доверительно сообщил он мне, когда мы с ним встретились на однодневном тренинге по новому программному обеспечению торговых сетей, – да уж... жаль, что я все еще люблю свою девушку...

Мы обменялись улыбками, а потом новая инструкторша начала свою речь, и больше мы не тряндели.

(Если мы произведем плохое впечатление на эту даму, она доложит нашему шефу и нас лишат нашей премии за прилежание *Business, Care amp; Involvement*¹)

(За подхалимаж.)

Так что вот. Я тщательно проверяю замки.

Затем выключаю свет в шоу-руме, спускаюсь на грузовом лифте и преодолеваю километры коридоров в тусклом мерцании аварийных лампочек.

Бегу вприпрыжку, чтобы успеть до включения сигнализации.

В раздевалке нахожу свой шкафчик, набираю код – еще один, наверное, уже десятый за день, – и меняю свой жилет «Ян, чем я могу вам помочь?» на свою старую замызганную

¹ Бизнес, Усердие amp; Вовлеченность (англ.)

куртку, которая всем своим видом говорит о том, что бедный маленький Ян уже никому и ничем помочь не может. Снова вприпрыжку – из-за следующей сигнализации – выскакиваю на улицу и оказываюсь в тупичке на задворках бульвара Осман, между двух рядов мусорных баков и охранником с собакой, который как раз заступает на дежурство.

Когда это смена толстяка с доберманом, мы с ним выкуриваем по сигаретке, болтаем о погоде, о тачках и футболе (ну, вернее, болтает он, а я только поддерживаю разговор), а когда дежурит другой, тот что с ротвейлером, я расслабляюсь, только когда выбираюсь из тупичка.

Меня пугает не его оружие труда, а его взгляд.

Всегда задаешься вопросом, *кто* же читает журнал «Детектив». Ну так вот, это, к примеру, он...

Этого парня заводят такие заголовки, как «Малышка Лили, трех лет от роду, забитая до смерти, изнасилованная, замученная и сожженная заживо», как он сам говорит. Его это крепко заводит.

Этим вечером дежурит добряк, и я первым достаю свою пачку сигарет. Сегодня его тревожит то, что у одного из щенков его суки, не этой, а другой, которая работает только на парковке (?), никак не опускается одно яичко.

Я чуть было не ляпнул, как это круто, но, к счастью, вовремя остановился.

Все это было вовсе не смешно. Напротив, настоящая драма. Если яичко не опустится, пес не получит родословной, а без родословной он ничего не стоит.

– Может, в конце концов оно все-таки опустится?

Охранник выглядел неуверенным:

– Ну... Все может быть... Может, опустится, а может, и нет. Inch'Allah... На все воля Всевышнего...

Бедный Аллах, думаю я, удаляясь, надеюсь, у Него есть кто-нибудь в отделе прошений, кто занимается первичной сортировкой, прежде чем все это Ему отправлять...

Во-вторых, мрак

На кадуцее американской аптеки я вижу, что уже 22:10, температура воздуха -5°.

Меня никто не ждет, Мелани снова смылась на какой-то свой семинар, и уже слишком поздно чтобы пойти в кино.

Я направляюсь к ближайшей станции метро, но потом передумываю. Я не могу сейчас снова залезть в очередную коробку, я сдохну.

Я должен пройтись. Должен протопать пешком через весь Париж, похлопывая в ладоши и время от времени снимая шапку, чтобы разогнать мрак в своей голове.

Да, я должен настрадаться, промерзнуть, проголодаться и, воспользовавшись тем, что наконец остался один, рухнуть спать замертво.

Вот уже несколько месяцев я плохо сплю. Мне не нравится моя контора, не нравится мое расписание, не нравятся препода, запах в раздевалке, столовка и идиоты, которые меня окружают. В свои двадцать шесть лет я все так же мучаюсь бессонницей, как и в двенадцать, вот только в двадцать шесть это в тысячу раз хуже, потому что я сам влез во все это дерьмо. *Самостоятельно*. Я не могу винить в этом своих родителей, к тому же теперь у меня не бывает каникул...

И что я такого сделал?

А?

Что ты сделал?

Нет, правда! Что же ты опять натворил, идиот?!

Я клянусь сам себя вдоль и поперек, в полный голос, потому что мой гнев, теплым дыханием вырываясь наружу, согревает мне кончик носа.

Бомжи попрятались кто куда, те из них, кто сейчас выпивает, чтобы согреться, до завтра не доживут, а Сена черна, нетороплива, коварна. Скользя между опор Нового моста, она безмолвно манит к себе. Она охотится. Подстерегает уставших, сломленных клерков, бесталанных людишек со всеми их думами и ночными вопросами. Она выявляет сомнения и скользкие паркетные. «Идите ко мне, – урчит она, – идите... Это всего лишь я... Ну давайте же... Мы ведь уже так давно знакомы...»

Я представляю себе холод ее объятий, то, как одежда сначала надувается пузырем, а потом тянет тебя ко дну, шок, рвущийся наружу крик, оцепенение... Ведь все это себе представляют, разве нет?

Да. Конечно же, все. У всех, кто живет рядом с рекой, случаются такого рода помутнения. Это утешает.

Отступление:

Сообщение от Мелани: «Мертвая ложусь спать погода дерьмо целую». С маленьким значком поцелуя в конце. (Такая мигающая желтая штучка с толстыми губами.) (Они называют это смайликом.)

Смайлик. Слово такое же пошлое, как и сам предмет. Ненавижу все эти приспособления для ленивых. Вместо того, чтобы выразить свое чувство, ты его отсылаешь. Нажимаешь на кнопку – и перед тобой все эмоции мира, совершенно одинаковые. Радость, сомнение, грусть, гнев – все на одно лицо. Все многообразие порывов души оказывается сведено к пяти отвратительным кружочкам.

Черт побери, какой прогресс...

«Спокойной ночи! – пишу ей в ответ. – Я целую тебя».

Немногим лучше, да?

Да, не особо. Хотя все же так это поцелуй в целых три слова... К тому же, знаки препинания – это красиво...

Не так уж много парней в наши дни утруждают себя знаками препинания в смс. Наверное, это все те же, кто воображает себя утопленниками?

Боюсь, что да.

Господи, что-то сегодня вечером я не в духе.

Прошу прощения.

В последнее время такое часто со мной бывает. Хандра, смехотворные лирические припадочки, потребность нападать на окружающих, да на всех подряд, лишь бы только выплеснуть яд. Мелани утверждает, что все это из-за погоды (конец зимы, нехватка света, сезонная депрессия) и моей профессиональной деградации (о том, что было обещано, никто уже не вспоминает, отсутствие амбиций, разочарование). Ладно. Почему нет?

Ей повезло, она относится к числу людей, у которых есть объяснения и решения любой проблемы: будь то пылевые клещи, право голосования мигрантов, закрытие аптеки на улице Дагер, бородавки у ее отца или же моя меланхолия. В некотором смысле я ей даже завидую. Я бы тоже хотел быть таким.

Чтоб и в моей голове все было бы столь же просто, столь же ясно, столь же... материально.

Никогда не сомневаться. Всегда выявлять подозреваемых, ответственных, виноватых. Идти напролом, добиваться своего, требовать, судить, рубить с плеча, приносить в жертву и

свято верить, что все экзистенциальные потуги этого маменького сыночка сойдут на нет с началом весны и будут окончательно забыты, как только ему на двести евро повысят зарплату...

Увы, сам я ни секунды в это не верю.

В июне мне стукнет двадцать семь, и я не знаю, считаюсь ли еще молодым или уже старым. Мне не удастся найти свое место в этой хронологической таблице. Все это как-то слишком расплывчато, вся эта история. Издалека меня можно принять за подростка, но вблизи я выгляжу как старый дурак. Старый дурак, прикидывающийся лицеистом: такое же фальшивое дружелюбие, такие же конверсы, джинсы, стрижка и даже романы Чака Паланика в таком же потрепанном рюкзаке.

Шизик. Маргинал. Молодой человек начала XXI века, родившийся в богатой стране, воспитанный любящими родителями, маленький мальчик, у которого было все: ласки и поцелуи, праздники в честь его дней рождения, игровая приставка с джойстиком, абонемент в медиатеке, монетки от Зубной феи, весь Гарри Поттер, карточки «Покемон», «Ю-ги-о», «Мэджик»², хомяки, новые хомяки взамен старых, безлимитные тарифы, путешествия в Англию, модные свитера и все остальное, и не только это.

Не только...

Маленький мальчик, родившийся в самом конце XX века, которому с самого детства, как только он дорос до того, чтобы выкидывать свои фантики в помойку, неустанно твердили, что природа гибнет по его вине, леса исчезают в пальмовом масле его сладких булочек с шоколадом, айсберги тают, когда его мама заводит машину, все дикие звери вымирают, и если он не закрывает кран, когда чистит зубы, значит, все это происходит отчасти из-за него.

Любознательный и послушный ученик, на уроках истории он в конце концов усвоил, что принадлежит к белой расе алчных колонизаторов, трусов, доносчиков и коллаборационистов, тогда как на уроках географии ему из года в год повторяли ужасающие цифры грядущего перенаселения планеты, индустриализации, опустынивания, нехватки кислорода, воды, ископаемых энергоносителей и земель, пригодных для земледелия. Что уж тут говорить об уроках французского, где у вас непременно развивалось отвращение к чтению как таковому, ибо вас постоянно вынуждали все портить: «Найдите и вычлени лексическое поле „чувственности“ из данного стихотворения Бодлера» – оп-ля! приехали, о чувствах можно забыть; или же об уроках иностранного языка, где вам год за годом напоминали how much you were oupa mayouscoula Scheise³; или же, наконец, о таком предмете, как философия, который, как оказалось, представлял собою сумму всего прочего в концентрированном виде и в еще более беспощадной форме: «Эй ты, маленький белый импотент, изъясняющийся с таким акцентом, что все вокруг умирают со смеху, найди-ка и вычлени лексическое поле бардака твоей цивилизации, будь добр. У тебя четыре часа».

(Оп, оп, оп-ля-ля, черновик... в желтую помойку⁴.)

А когда наконец весь этот багаж мрачноватых знаний получен, усвоен, выучен, переварен, повторен в экзаменационных работах и учтен в статистических данных об успешном окончании школы, к нему стоит прибавить еще несколько лет учебы, чтоб не слишком быстро застрять в узком проходе к светлому будущему.

И ты, как дурак, выполняешь все, что требуется: зубрежки, экзамены, дипломы, стажировки.

² Детские коллекционные карточные игры.

³ Здесь: «Какое же вы дерьмо» (искаж. англ., исп., нем.).

⁴ Намек на раздельный сбор мусора.

Ты работаешь стажером задарма, без оплаты, без всякого финансового вознаграждения, ради репутации и славы. Ты рассылаешь свои резюме. Резюме с фотографией, на которой ты смотришься выигрышно. Резюме в бумажном виде и электронном, в дизайнерском оформлении и в видеоформате, какое пожелаете, на любой вкус, на ваше усмотрение. Мотивационные письма. Мотивационные мейлы. Мотивационные видеоролики. В общем... всю эту кучу бессмысленной болтовни, к которой тебе уже нечего добавить, потому что ты больше в это не веришь, потому что все это тебя угнетает – необходимость напряженно сражаться в столь юном возрасте за право платить, как все, свои членские взносы.

Но ты не опускаешь руки. Ты отважно продолжаешь борьбу: центры занятости, биржа труда, кадровые агентства, хедхантеры, частные объявления, заявки на вакансии, рекрутинговые платформы, коды доступа к личному кабинету кандидата, подписка на новые предложения, тщетные надежды, собеседования с заранее известным результатом, фейсбукмейкеры, которые не поднимут твои котировки даже во сне, двоюродный брат твоего крестного, который замолвит за тебя словечко своим приятелям по Лайонс-клубу, приветы бывшим одноклассникам: знаешь, мне в общем-то по-прежнему на тебя наплевать, но, кстати, вроде бы у твоего отца был какой-то завод? Агентства по временному трудоустройству, полезные знакомые, сомнительные знакомые, гнилые знакомые, сайты объявлений – все чаще платные, помощницы директоров по персоналу – все менее любезные, любые возможности... Да, ты всегда был на высоте, ты никогда в жизни не бросил мимо урны ни одной бумажки, в поезде никогда не клал ноги на банкетку напротив, даже если было очень поздно, ты был без сил и ехал один в купе, ты защитил свой диплом без всякой посторонней помощи, вот только, уф... видишь ли, тебе не повезло. Просто нет для тебя работы, и все тут.

Вот так, нет и все. Разве тебя не предупреждали, ты уверен? Странно... Наверное, ты пропустил мимо ушей, болтая со своей соседкой слева...

Эй, парень! Проснись! На дворе кризис!

Так что уж лучше слушай новости вместо того, чтобы учиться и получать профессию, не теряй время зря!

В чем дело? Ты не понимаешь? Постой, малыш, не суетись, вкратце ситуация такова.

Ты молодой порядочный европеец?

Ну так тебе это дорого обойдется, друг мой!

По всем радиоволнам тебе твердят, что государственный долг твоей страны исчисляется какими-то миллионами миллиардов долларов, что твои деньги вот-вот обесценятся, а если ты не говоришь на китайском, то даже не стоит и соваться, что Катар скупает все на корню, что Европе конец, западному миру – капец да и всей планете трындец.

Ну вот. В общем-то все.

*Panem et circenses*⁵. Приехали. Докатились.

Так что поверь, малыш, остается только смотреть футбол в ожидании апокалипсиса...

Давай. Тебе же сказали, ложись спать. *Fly Emirates*⁶ и помолчи.

Короче, кончай суетиться. Пожалуйста, прекрати ты кликать по ссылкам, звонить, рассылать свои резюме. Все это только вредит озоновому слою планеты.

⁵ Хлеба и зрелищ (*лат.*).

⁶ Летай эмиратскими авиалиниями (*англ.*).

* * *

Я уже не чувствую ног. Наверху бульвара Сен-Мишель, сразу за теплицами Люксембургского сада, полицейские выслеживают в бинокль уставших и рассеянных автомобилистов.

Когда я прохожу мимо них, опустив голову и уткнувшись носом в шарф, я слышу, как они спрашивают документы у молодой женщины в синем пуховике. Она вся сжалась, не знаю, то ли от холода, то ли опасаясь лишиться прав. Она лихорадочно ищет документы в сумке, роняет связку ключей. На заднем сидении в детском креслице спит малыш. Вряд ли она так уж сильно превысила скорость – на своей старенькой «Мини»⁷. Старомодная модель. Та самая, которую нарисовал сэр Алек Исигонис⁸. Настоящее чудо.

До меня доносятся ее слова:

– Подождите, нет... У меня включена «печка»...

– Пожалуйста, – перебивает ее офицер, – немедленно заглушите двигатель. Это не займет у вас много времени.

Я иду дальше в окончательно расстроенных чувствах.

Что это за страна?

Что это за демократическая тюрьма, где силам правопорядка нечем больше заняться, кроме как расставлять ловушки для самых лояльных граждан? Что же это, в самом деле, такое творится?

Неужели касса и впрямь настолько пуста?

И что это за парни, которые выполняют такую работу? Которым платят за то, что они докапываются до женщины в полночь февральского вторника из-за того, что у нее треснута фара или плохо прикручен номер? А? Что это? А когда они заставляют ее выключать зажигание при том, что на улице -6°, а в машине дрыхнет малыш, что происходит у них в голове?

Неужели это настолько выгодно – состоять на госслужбе?

А сам-то? Сам-то ты что из себя представляешь? Мелкий обиженный засранец, который нам тут без устали проповедует высоконравственные идеалы, а сам даже хорошенькую мамочку защитить не способен. Девушку, которая ездит на «Мини-1000», между прочим. Ну так скажи-ка нам: и кто же он, этот идиот?

Или у тебя тоже одно яичко не опустилось?

Или же ты его напрочь отморозил...

Отступление:

Прежде чем нарисовать «Мини», Исигонис уже создал «Моррис-Минор», а потом еще и «Остин-1100»⁹.

Неплохо...

⁷ «Мини», появившийся в 1959 году, стал самым продаваемым автомобилем в истории Великобритании, а в 1999-м получил звание главного европейского автомобиля XX века.

⁸ Исигонис, Алек (полное имя: *Alexander Arnold Constantine Issigonis*, 1906–1988) – английский конструктор и дизайнер автомобилей, родившийся в Турции в семье британского подданного греческого происхождения. В 1969-м за заслуги в развитии английского автомобилестроения ему был пожалован титул сэра.

⁹ «Моррис-Минор» стал первым полностью английским автомобилем, перешагнувшим миллионный рубеж продаж. Модель выпускалась с 1948 по 1971 год. «Остин-1100» (1963–1975) считался «большим братом» модели «Мини» и также входил в пятерку самых продаваемых английских автомобилей.

Когда биг босс Уильям Моррис¹⁰ впервые увидел «Минор», он ужаснулся. «Holy God, – he said, – a poached egg»¹¹. Яйцо-пашот.

«Минор» ждал большой успех.

А ведь Иссигонис думал, что ему никогда не удастся получить этот чертов диплом инженера-конструктора, ради которого он трижды будет пересдавать экзамены, всякий раз не добивая баллов из-за математики. Его спасет рисование. В рисовании ему не было равных. Правила, постулаты, физические и математические законы его утомляли, хуже того: он считал, что все это – *the enemy of every truly creative man* – главный враг по-настоящему творческого человека. Кроме того, его абсолютно не интересовали ни коммерческая политика, ни всякие там прогнозы, бизнес-планы, исследования рынка и прочие предшественники современного маркетинга. У него был тяжелый характер.

Чтобы нарисовать новый автомобиль, главным, как он утверждал, было не копировать конкурентов. Он отличался независимостью, свободой и упрямством и не особенно ценил все то, что рождалось в результате мощных мозговых атак на заседаниях исследовательских бюро. Именно ему принадлежит гениальная фраза: «*A camel is a horse designed by committee*» – «Верблюд это лошадь, дизайн которой разрабатывался комитетом».

Я все это знаю, потому что будучи студентом (о да, это высшее образование, которое так дорого моему сердцу и так недешево обошлось моим родителям) (и которое в настоящий момент не приносит мне абсолютно никакой пользы), я посещал музей дизайна в Лондоне.

*Wow, such a nice sôuhveunhir*¹²...

Ладно... Я почти пришел... Холод стоит такой, что лев на площади Данфер-Рошро как будто скорчился на своем постаменте. Этаким большой недовольный котик.

Я выбрал этот путь, потому что тоже хорошо рисовал и, не в обиду сэру Алеку, был силен в математике. Ну то есть... не стоит преувеличивать... все-таки не настолько, чтобы поступить в элитный вуз... К тому же я был любознательным... Интересовался искусствами, историей, историей искусств, прикладными искусствами, способами производства, промышленностью, промышленным производством, эргономикой, морфологией, вещами, людьми, мебелью, модой, текстилем, печатью, графикой... в общем, на самом деле, интересовался всем. Всем, все время и во все времена. Единственное «но» заключалось в том, что я не талантлив. Нет-нет, это правда. За время учебы я и это узнал. Я не талантлив и так уж устроен, что мне не хватает ни амбициозности, ни духу, чтобы создать что-то новое. По крайней мере в этом образование мне помогло: разобраться в себе и измерить ту пропасть, что отделяет меня от какого-нибудь Джо Понти¹³ или, к примеру, Джонатана Айва¹⁴.

(Знаю, знаю... хорошо отзываться о главном дизайнере Apple уже давно немодно, но пусть меня считают отсталым, мне все равно, я смиренно и благоговейно готов признаться в глубочайшем уважении, которое вызывает у меня этот человек.)

Мне бы надо было получить диплом библиотекаря и устроиться на работу в библиотеку при институте Искусств и Ремесел или же при Высшей школе промышленного дизайна, жил бы себе сейчас счастливо. Мой единственный талант – оценивать по достоинству таланты других.

¹⁰ Моррис, Уильям (полное имя: *William Richard Morris, 1st Viscount Nuffield*, 1877–1963) – английский автопромышленник и филантроп, основатель компании «Моррис Моторс» (1919 г.), за заслуги перед Англией пожалованный в 1929 году титулом барона Наффилда.

¹¹ «О боже, – сказал он, – да это же яйцо-пашот» (англ.).

¹² Вау, какое приятное воспоминание (искажен. англ.).

¹³ Понти, Джо (полное имя: *Giovanni Pontì*, 1891–1979) – итальянский архитектор, дизайнер, публицист, одна из центральных фигур в архитектурном возрождении Италии в XX веке.

¹⁴ Айв, Джонатан (полное имя: *Jonathan Paul Ive, Sir*, 1967 г. р.) – англо-американский дизайнер, старший вице-президент отдела промышленного дизайна компании Apple.

Кстати, на одном из бесчисленных собеседований о приеме на работу мне диагностировали мою слабость:

– В общем, молодой человек, вы дилетант.

Черт побери.

Это серьезно?

«Ясное дело, тебе следовало выбрать не столь жестокую область деятельности (ибо сразу определимся: в мире дизайна ты или провидец, или же совершенно бесполезен) (в этой схватке с действительностью ты растерял бы свои иллюзии, но не идеалы), менее жестокую, – говорил я себе, – и более подходящую твоему дилетантизму», увы, самое глупое в этой истории то, что я просто испугался: последовать своим естественным наклонностям и остаться без работы.

Ха-ха! Умница Ян... И до чего ж хорошо он спроектировал свою жизнь...

Издаലെка напоминает верблюда.

Начало улицы Булар. Чувствую, что закипаю. Тем лучше, потому что у меня из носа уже так и льет...

И на чем я остановился? Ах, ну да... Моя судьба.

В общем, короче говоря, на данный момент я дипломированный дизайнер и работаю... уф... как бы это сказать... демонстратором, да, именно так – демонстратором компактных роботов корейского производства, предназначенных для домашнего использования в игровых и хозяйственных целях игривыми и хозяйственными представителями среднего класса.

Крохотный пылесос, который, как дрессированная собачка, вылизав всю пыль, самостоятельно возвращается на свое место, колонки с подсветкой, меняющей цвет в зависимости от типа музыки, душевая лейка со встроенным цифровым межгалактическим радио и умный холодильник, распознающий твой голос и сообщающий тебе о содержимом своего нутра: о затаренности, о сроках годности, количестве калорий и сочетаемости продуктов в его распоряжении, о способах использования остатков и прочее, и прочее.

Эй, не правда ли, великолепно?

Джо Понти был бы потрясен.

Мне удалось заполучить бессрочный контракт (да, это вам не хухры-мухры, это Кольцо власти, Черный лотос, самый настоящий Грааль, Святой Грааль) (*Hananim kamsa hamnida*) («спасибо, Господи» по-корейски) в какой-то паршивой хайтечной конторе, изумляющей старушку Европу своими неправдоподобными чудесами.

Проще говоря, я являюсь коммерческим представителем Dartyyongg.

Но, предупреждаю, это все временно, понятно?

Да-да, конечно, именно так...

Давай... Иди-ка ты спать, замерзший малыш...

От мрака избавиться не удалось, напротив, похоже, я еще больше себя накрутил.

Какой идиот.

Набрав последний на сегодня код при входе в подъезд, я вставляю картонку в дверную щель, чтобы дверь не захлопнулась, со следующей дверью поступаю так же.

Если бы только, вздыхаю я, если бы только нашелся хоть один клошар в районе, еще не окончательно околевающий в такое время, у которого хватило бы вкуса и деликатности прийти погреться, воспользовавшись моей уловкой, признаюсь, это бы весьма повысило мою самооценку.

Я бегом поднимаюсь на третий этаж, чтобы не околеть на лестнице, запиваю остатками водки банан, опустошаю водогрейку и наконец падаю замертво.

В-третьих, печеньки

Сегодня я заканчиваю раньше, чем обычно, но я по-прежнему один. Мелани возвращается только в четверг.

Я только что разговаривал с ней по телефону: отель хуже, чем ожидалось, спа закрыто, компания никудашная.

Что ж...

(Она медицинский представитель, и фармацевтическая компания, на которую она работает, регулярно устраивает мотивационные семинары, чтобы помочь сотрудникам, какими бы они ни были, преодолеть травмирующую ситуацию с дженериками.)

– Ты сходишь за продуктами?

Конечно. Само собою разумеется, я схожу за продуктами... Вот уже два года, как я этим занимаюсь и вовсе не собираюсь резко менять уклад нашей жизни сегодня вечером...

– И не забудь дисконтную карту. В прошлый раз, я подсчитала, мы из-за тебя потеряли минимум шестьдесят баллов.

Мелани – продвинутый потребитель. Шестьдесят баллов – это серьезно.

– Нет-нет. Я не забуду. Ладно, давай, мне надо идти, пора вывести моего маленького Вуф-Хуфа...

– Что, прости?

– Я о пылесосе.

– А...

Когда она вот так вот говорит «А...», я задаюсь вопросом, что она на самом деле думает. Огорчена ли она? Говорит ли она обо мне со своими коллегами? Говорит ли она им: «А мой парень торгует Вуф-Хуфами всех цветов радуги»?

Сомневаюсь. Она-то думала, что встретила нового Старка, а оказалась вместе с кем-то наврядли клика правой клавишей мышью с ubaldi.com¹⁵ – жестко. К тому же, мне кажется, она считает, что я целыми днями только и делаю, что развлекаюсь со всякими там гаджетами. Если бы она знала... Антикоагулянты всучить куда проще, чем какой-нибудь холодильник, который достает тебя всякий раз, как тыходишь на кухню... Ладно. Проехали. Сегодня я заканчиваю пораньше, но в супермаркет не попрусь – видел, что только сегодня в «Гранд Аксьон» в 21:00 будут давать «Бег на месте» Сидни Люмета.

Спасибо тебе, жизнь.

Я смотрел этот фильм вместе с кузенком (возможно, даже в этом же самом зале), когда мне было пятнадцать, то есть я был примерно того же возраста, что и Ривер Феникс, сыгравший Дэнни Поупа, и фильм произвел на меня настолько мощное впечатление, что выйдя из кино, я попал под автобус. Честное слово. Перелом четырех пальцев на ноге.

В общем, перспектива снова увидеть этот фильм заставляет сердце мое биться сильнее, так как ко всему прочему это мой секрет от Мелани, которая этой истории не знает – я тоже на свой лад собираю баллы.

Решаю сначала зайти домой переодеться и перекусить, а потом взять велик напрокат.

(Классно катить на велике после кино: фара, словно прожектор в ночи, и лучшие сцены из фильма освещают твой путь.)

¹⁵ Сайт-дискаунтер бытовой техники и электроники.

Поднявшись к себе на третий этаж с наполовину съеденным багетом в одной руке и пачкой дурацкой корреспонденции в другой, я утыкаюсь носом в шкаф. Синий пластиковый шкаф. Поскольку он стоит поперек лестничной площадки, то загораживает мне проход, но так как я не безрукий, то кладу свое барахло и берусь за шкаф, чтоб передвинуть его на метр в сторону. И в этот момент я слышу тоненький голосок:

– Мама! Мама! Там дядя застрял!

Другой высокий голос:

– Ты слышишь, Исаак? Ты слышал, что сказала твоя дочь? Да сделай же что-нибудь, господи!

И наконец, глухой рев папы-медведя:

– Эй вы там! Баловницы! Эй! Неугомонные! Вы смерти моей хотите? Ждете, что я не выдержу этого кошмара, чтобы получить наследство? Не дождетесь! Слышите меня? Никогда! Никогда вам не достанутся папашины диковины! (потом более мягким голосом в мой адрес) Извините, сосед, извините... Вы справились?

Я поднимаю голову и вижу над изгибом перил пятого этажа краснолицего бородача, а между перекладин – двух маленьких Златовласок, которые разглядывают меня с важным видом.

– Все в порядке, – отвечаю я.

Он откланивается, я прохожу к своей двери и стараюсь как можно аккуратнее поворачивать ключ в замке, чтобы дослушать, чем у них там все закончится.

– Давайте-ка, малышки, пойдем... Не то простудитесь.

Но мама-медведица имеет на этот счет совсем другое мнение:

– Так как же Ганс?

– Ганс – кретин. Мы с ним поспорили на втором этаже, и на третьем он меня бросил. Вот, если тебе это интересно, вот! Ганс кре-тин! (по слогам проревел он с такой силой, чтобы услышал весь дом). Давайте, девчонки, немедленно домой, а не то я закрою вас в этом мастодонте, за которого ваша матушка заплатила двести евро какому-то бандиту. Винтаж, винтаж, я вам щас тут такой винтаж покажу... И поживее, болтушки! Ваш господин голоден!

– Вот тут, мой дорогой, давай-ка договоримся: пока мой чудесный изящный буфетик стоит на лестнице, никакого ужина у тебя не будет.

– Прекрасно, моя дорогая! Просто замечательно! Раз так, я съем ваших дочек!

Мсье рычит, как людоед, и по всей лестничной клетке разлетаются детские визги.

Я в восхищении оборачиваюсь, зачарованный искорками волшебной лампы...

Их дверь захлопывается, а мне вдруг, сам не знаю почему, больше совсем не хочется заходить к себе домой.

Пойду-ка я лучше съем кебаб.

* * *

Задумчиво спускаюсь вниз.

Ее я видел раз или два, мы встречались с ней на лестнице утром, когда она вела своих девочек в школу. Вечно взъерошенная, спешащая, но всегда любезная. Мелани ворчит, потому что она как попало бросает коляску в подъезде. Коляску с кучей игрушек, ведерок, песка и крошек. Когда рядом стоят упаковки воды или молока, я поднимаю их до своего этажа и ставлю на лестницу – таким образом они преодолевают больше половины пути как бы самостоятельно.

Мелани всякий раз возводит очи горе: курьер в придачу к демонстратору – это уже чересчур.

Как-то раз эта мамочка с пятого этажа, стремительно пролетая мимо, осыпала меня самыми горячими благодарностями за мою скромную помощь, в ответ я уверил ее, что это

излишне, признавшись, что в награду брал пару раз у нее печеньки из пачки, которую она оставляла в сетке под коляской. Уже издалека я услышал ее смех, а на следующий день целая пачка печенья ждала меня на коврике перед дверью.

Я не стал говорить об этом Мелани.

Его я впервые видел лицом к лицу, но мне кажется, именно его шаги я слышу по вечерам.

Я знаю, что он подписан на «Газет Друо»¹⁶, потому что этот журнал вечно торчит из их почтового ящика, а еще – что он ездит на «мерседесе-универсале», потому что те же журналы валяются на приборной панели.

Однажды утром я наблюдал, как он вытащил из-под «дворника» квитанцию на штраф, подобрал ею собачью какашку и выбросил все это в канаву.

Это все, что я о них знаю. Надо сказать, мы не так давно сюда переехали...

Папины диковины... Я сладко улыбался.

Колоритная у них вышла сценка. На самом деле они ругались как актеры бульварного театра. Пожалуй, даже как опереточные персонажи. Да-да, герои оперетты. Он не кричал, он пел раскатистым басом: «Неугомонные! Винтаж! Винтаж! (Звучало как „ажитаж“.) Прекрасно, моя дорогая!» – и его вокальная партия все еще резонировала у меня в ушах.

Я улыбался, держась за перила.

Улыбался, стоя в крошечной темноте, потому что дежурное освещение погасло, а я прекрасно чувствовал себя в этой темноте, все снова и снова прокручивая перед собой эту сценку – настоящий подарок свыше: немножко парижской жизни в стилистике Оффенбаха.

Не успел я и носа наружу высунуть, как сильный порыв ледяного ветра проветрил мне мозги.

Боже, как же я медленно соображаю. Я развернулся и бегом поднялся вверх.

В-четвертых, маркиза

– Он вам мешает, да?

Он больше не пел. Его широкие плечи почти целиком перегораживали дверной проем, на мсье был клетчатый жилет, полосатая рубашка и бабочка в горошек – шерсть, хлопок и шелк всех цветов радуги прекрасно дополняли друг друга. Не знаю, то ли из-за его маленького роста, то ли из-за разноцветного жилета, то ли из-за его бороды, но он мне напомнил невероятного, колоритнейшего Гарета из фильма «Четыре свадьбы и одни похороны». Его дочери были уже тут как тут и, задрав головы, разглядывали меня, как и давеча, с самым серьезным видом. Но все это было сплошное притворство. Чувствовалось, что малышам нравится комедианство и их напускная важность – это часть игры: им хотелось продолжения.

– Нет-нет, что вы! Но я подумал, что мог бы вам помочь поднять его к...

Не дав мне закончить фразу, он обернулся и громогласно возопил:

– Алис! Я наконец узнал, кто ваш любовник! Но он и впрямь очаровательный юноша... Я горжусь вами, любовь моя!

– Но... позволь... которого ты имеешь в виду? – прошептала неверная.

И тут появилась Алис.

Явление Алис.

¹⁶ La Gazette Drouot – французский еженедельный журнал аукционного дома Друо, издается с 1891 года.

Не знаю, какая из этих двух фраз подходит лучше, чтоб выразить то, что я испытал. Моя соседка сверху, хозяйка коляски, оставляющая после себя крошки и упаковки молока, подошла. Она узнала меня и улыбнулась. Если бы в тот момент, когда она улыбалась мне, глядя прямо в глаза, она бы не оперлась о плечо своего мужа (она была значительно выше него), небрежно приобняв его за шею, то я бы тут же в нее влюбился. Вот прямо здесь и сейчас и на всю оставшуюся жизнь. Увы, эта маленькая деталь – ее небрежность – ставила под сомнение самую возможность нашего счастья. Именно это делало ее такой красивой и сексуальной. Ее нежность, доверие, то, как она инстинктивно прижалась к мужу прямо здесь, на пороге квартиры, пусть даже с тряпкой в руках, просто так. Чтобы узнать новости... Потому что она обожала своего комедианта-муженька (это чувствовалось), и он тоже ее обожал (это бросалось в глаза) и, очевидно, частенько занимался с ней любовью, раз она с такой чудовищной невинностью позволяла себе меня заводить.

Ох, мамочки... Было горячо.

Разумеется, тогда я был слишком взволнован, чтобы анализировать свои мысли, и ограничился тем, что заново пробормотал свое предложение помочь.

– Ой, спасибо! Это так любезно!

Она обрадовалась и тут же стала стягивать с мужа пиджак так, словно это был атласный плащ.

С соблюдением всех необходимых церемоний, но вместе с тем все-таки легонько подталкивая мужа под зад.

Этакая Мэри Поппинс с напористостью Рокки Бальбоа.

Он чертыхнулся, снял запонки, отдал их одной из своих дочерей, другой вручил галстук-бабочку, затем закатал рукава рубашки (из такого тонкого хлопка, что его и впрямь очень хотелось погладить) и повернулся ко мне.

Совершенно круглый, как пробка, напоминавший медвежонка Мишку, он спускался по лестнице, держа по дочке в каждой руке, а я мысленно решал задачку по физике, пытаюсь определить, как будет удобнее тащить шкаф: мне или ему идти впереди.

Ему.

Все оказалось не так уж и тяжело, но он, само собою, устроил целое представление, и его юные поклонницы были в полнейшем восторге.

На каждой ступеньке он выдавал сногсшибательные ругательства: «Святыми сосцами моей задницы! Ежкина участь! Тысяча миллионов фур членопетий! Бельдюговая селедка! Ментенонский толчок! Показушное надувательство рогоносцев! Небесное дерьмище! Дьявольская тряхомундия, пластик твою за ногу!» – и так далее, одно другого краше...

При каждом его ругательстве девочки громко одергивали его, вздымая руки:

– ПАПА!

Я замыкал процессию и упивался происходящим, даром что тащил на себе весь шкаф.

«И что их ждет после такого детства? – спрашивал я сам себя. – Унылая жизнь или умение веселиться? Печеночные колики или дьявольский задор?»

Одному богу известно, как я люблю своих родителей, людей достойных, скромных и спокойных, но как бы я был им признателен, если бы со всей их заботливостью и вниманием они бы раскрыли мне этот секрет... Что счастье, оно прямо тут, за порогом, и что не надо бояться. Не надо бояться шуметь, быть счастливым, побеспокоить соседей и выругаться от души.

Не надо бояться жизни, будущего, кризиса да и всех прочих ларчиков Пандоры made in China¹⁷, которыми нас так усердно пугали всякие старые дураки, еще более трусливые, чем мы сами, с тем чтобы отбить у нас всяческую охоту и весь барыш оставить себе.

¹⁷ Китайского производства (*англ.*).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.